

Эффекты конкурентной политики на рынках нефтепродуктов в России

В свете тренда на распространение доказательной экономической политики (Волошинская, Комаров, 2015; Галлямова, 2021; Baron, 2018; Haskins, 2018; Orr, 2018) оценка эффектов различных ее направлений, в том числе антимонопольной политики (Baker, 2006; Wright, 2012; Wright, 2013; Kwoka, Jarsulic, 2017; Auer et al., 2018; Katsoulacos et al., 2021; Авдашева, Корнеева, 2016; Ставнийчук, 2020), приобретает все большую актуальность. Большинство эмпирических исследований по оценке эффектов антимонопольной политики носят характер кейс-стади, в то время как проведение более интегральных оценок (на уровне отрасли, страны или отдельных мер) встречаются реже.

Исследования эффектов мер антимонопольной политики по-прежнему актуальны по нескольким причинам. Во-первых, стоит вспомнить о существовании довольно длительной интеллектуальной традиции (в частности, в австрийской школе), ставящей под сомнение целесообразность антимонопольной политики в принципе (Armentano, 1986). Во-вторых, если все же считать антимонопольную политику в целом целесообразной, это автоматически не означает эффективность ее отдельных направлений или мер (Crandall, Winston, 2003; Davies, Ormosi, 2013).

Один из важнейших аспектов оценки эффективности антимонопольной политики – вопрос достаточности назначаемых штрафов для обеспечения сдерживания (Polisky, Shavell, 1992). Но не менее важен вопрос того, что включать в величину «штрафа»: помимо самой денежной суммы, которую необходимо уплатить нарушителю, возникают также иные формы потерь для компании, если она становится объектом антимонопольного расследования. В частности, торгуемые компании могут нести издержки вследствие потери их рыночной стоимости в ответ на появление информации о каких-либо действиях антимонопольных органов против них (Jiménez et al., 2016; Armour et al., 2017; Günster, van Dijk, 2016; Aguzzoni et al., 2013).

В России в 2022 г. оценка влияния антимонопольной политики на стоимость акций компаний на фондовом рынке может казаться не самой актуальной, однако в более широком контексте квантификация различных эффектов антитраста ложится в упомянутый тренд на распространение доказательной экономической политики в России и может способствовать более тонкой настройке системы санкций за нарушение антимонопольного законодательства (Павлова, 2022).

В связи с этим ставится **основной исследовательский вопрос**: создают ли действия антимонопольного органа значимые косвенные издержки компаниям, связанные с потерей рыночной стоимости.

Также в последние годы в российской антимонопольной политике усилился акцент на «предупредительных» мерах реагирования, которые применяются, когда выявлены только *признаки* нарушения, но *факт* нарушения еще не доказан¹. Речь идет о предупреждениях и предостережениях, которые сообщают компании (предупреждение) или ее должностному лицу (предостережение) о том, в чем состоит поведение, которое содержит признаки нарушения, и что необходимо сделать для того, чтобы исключить нарушение.

В существующей практике компании неоднократно жаловались на то, что информация о наличии в их деятельности лишь признаков нарушений приводит к потерям стоимости их акций²³⁴⁵. Однако информационная политика ФАС России⁶ содержит обязанность антимонопольного органа делать публичными сведения в том числе и этапах своей деятельности, связанных с выявлением признаков нарушений.

В связи с этим формулируется **дополнительный вопрос исследования**: действительно ли выявление *признаков* нарушения антимонопольного законодательства

¹ В Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» предупредительные меры в виде выдачи предупреждений и предостережений впервые были включены в конце 2011 г. (стали действовать в 2012 г.), и далее эти инструменты получали все более широкое распространение. В 2016 г. действие данного механизма было распространено на более широкий круг нарушений. С 2021 г. предупреждения и предостережения активно применяет Евразийская экономическая комиссия.

² ФАС приостановила рост российского рынка акций / Вести Экономика / URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=199158#>

³ ФАС прокомментировала резкое письмо «Транснефти» / Ведомости / URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/04/28/688016-fas-prokomentirovala>

⁴ «Северсталь» пожаловалась в Генпрокуратуру на главу ФАС / The Bell / URL: https://thebell.io/severstal-pozhalovalas-v-genprokuraturu-na-glavu-fas-hGaUU?utm_source=telegram&utm_medium=social&utm_campaign=top-mendzher-severstali-poprosil-genpro&utm_content=58660819

⁵ Яркой иллюстрацией данной проблемы является мнение, высказанное Я. Куликом, управляющим партнером консалтинговой компании Kulik & Partners Law.Economics: «...граница между информированием о своей деятельности и формированием общественного мнения по расследуемым делам стерлась. Репутация предпринимателей, чье дело еще может быть даже не завершено, оказывается под сильнейшим давлением информационной активности ФАС, в публикациях которой часто встречается на наш взгляд не уместная для органа государственной власти эмоциональная окраска фактов поведения компаний, их собственников и руководителей. Это стало настоящим информационным «оружием» наряду с юридическими процедурами» [Бюллетень антимонопольной статистики за 2019. Ежегодный аналитический доклад по итогам 2019 года. / Новиков В. / URL: http://antitrusteconomist.ru/research/show/bas_y2019].

⁶ Приказ ФАС России от 10.11.2015 N 1069/15 (ред. от 17.03.2020) "Об утверждении Положения об информационной политике Федеральной антимонопольной службы и ее территориальных органов"

оказывает существенное воздействие на стоимость компании, и как оно отличается от влияния установления *факта* нарушения.

Первая часть эмпирического исследования посвящена проверке гипотез о влиянии различных мер ФАС России на рыночную стоимость компаний методом событийного анализа. Вторая часть работы посвящена изучению влияния действий антимонопольного органа на цены нефтепродуктов методом разности разностей. В выборку для анализа вошли события, произошедшие с российскими нефтяными компаниями в период с 2012 по 2021 год.

Подводя итог, на основе теоретического и эмпирического моделирования мы доказали, что до момента установления факта нарушения компанией, заявления антимонопольной службы могут влиять на её репутацию через выдачу предостережений и возбуждения дел, а после – через вынесение решений и выдачу предписаний. Это означает, что, во-первых, компании, помимо предусмотренных законом санкций, несут также бремя санкций в виде потери рыночной стоимости, а во-вторых, что такие потери могут наступать для компании даже тогда, когда сам факт нарушения еще не доказан и обсуждается еще только наличие признаков нарушения.

Список литературы:

1. Авдашева С. Б., Корнеева Д. В. (2016). Конкуренция политика на экспортноориентированных рынках: действительно ли компенсирующие меры эффективны? //Экономический журнал Высшей школы экономики. Т. 20. №. 3. С. 442-470. [Avdasheva S. B., Korneeva D. V. (2016). Konkurentnaya politika na eksportoorientirovannykh rynkakh: deystvitel'no li kompensiruyushchie меры effektivny? //Ekonomicheskiy zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. T. 20. No. 3. pp. 442-470. (In Russian).]
2. Волошинская А. А., Комаров В. М. (2015). Доказательная государственная политика: проблемы и перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 4. С. 90–102. [Voloshinskaya A. A., Komarov V. M. (2015). Dokazatel'naya gosudarstvennaya politika: problemy i perspektivy // Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk. No. 4. pp. 90–102. (In Russian).]
3. Галлямова Э. М. (2021). Доказательная государственная политика: возможности и ограничения //Социология. №. 2. С. 158–162. [Gallyamova E. M. (2021). Dokazatel'naya gosudarstvennaya politika: vozmozhnosti i ogranicheniya //Sotsiologiya. No. 2. pp. 158–162. (In Russian).]
4. Павлова Н.С. (2022) Роль антимонопольного комплаенса в настройке оптимальной системы санкций за карте-ли // Антимонопольный комплаенс в России, № 1, с. 12-15 [Pavlova N.S. (2022) Rol' antimonopol'nogo komplaensa v nastroyke optimal'noy sistemy sanktsiy za karte-li // Antimonopol'nyu kom-plaens v Rossii, No. 1, pp. 12-15 (In Russian).]
5. Ставнийчук А. Ю. (2020). Эффекты антимонопольной политики на рынках нефтепродуктов России //Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. Т. 12. №. 2. С. 40-68. [Stavniychuk A. Yu. (2020). Effekty antimonopol'noy politiki na rynkakh nefteproduktov Rossii //Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyy zhurnal. Vol. 12. No. 2. pp. 40-68. (In Russian).]
6. Aguzzoni L., Langus G., Motta M. (2013). The effect of EU antitrust investigations and fines on a firm's valuation //The Journal of Industrial Economics. Vol. 61. No. 2. pp. 290-338.
7. Armentano D. T. (1986). Antitrust policy: the case for repeal. // Cato Institute.
8. Armour J., Mayer C., Polo A. (2017). Regulatory sanctions and reputational damage in financial markets //Journal of Financial and Quantitative Analysis. Vol. 52. No. 4. pp. 1429-1448.

9. Auer D. (2018) Antitrust Principles and Evidence-Based Antitrust Under the Consumer Welfare Standard // International Center for Law & Economics <https://laweconcenter.org/resource/icle-comments-antitrust-law-and-the-consumer-welfare-standard>
10. Baker J. B., Bresnahan T. (2006). Economic evidence in antitrust: defining markets and measuring market power.
11. Baron J. (2018). A brief history of evidence-based policy //The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 678. No. 1. pp. 40-50.
12. Crandall R. W., Winston C. (2003). Does antitrust policy improve consumer welfare? Assessing the evidence //Journal of Economic Perspectives. Vol. 17. No. 4. pp. 3–26.
13. Davies S. W., Ormosi P. L. (2013). Selection Bias in Evaluating Policy: The Case of Anti-Trust //Available at SSRN 2279487.
14. Günster A., van Dijk M. (2016). The impact of European antitrust policy: Evidence from the stock market //International Review of Law and Economics. Vol. 46. pp. 20-33.
15. Haskins R. (2018). Evidence-based policy: the movement, the goals, the issues, the promise //The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 678. No. 1. pp. 8-37.
16. Jiménez J. L., Perdiguero J., Gutiérrez I. (2016). More News, Good News?: Bias in Media Coverage of Competitionpolicy. – Fundación de las Cajas de Ahorros,
17. Katsoulacos Y., Avdasheva S., Golovanova S. (2021). Determinants of the (Slow) Development of Effect-Based Competition Enforcement: Testing the Impact of Judicial Review on the Choice of Legal Standards by Competition Authorities //Journal of Industry, Competition and Trade. Vol. 21. No. 1. PP. 103-122.
18. Kwoka J., Jarsulic M. (2017). Evidence-Based Policy in Antitrust: The Need for Ongoing Merger Retrospectives // The Center for American Progress <https://www.americanprogress.org/article/evidence-based-policy-antitrust-need-ongoing-merger-retrospectives>
19. Orr L. L. (2018). The role of evaluation in building evidence-based policy //The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 678. No. 1. pp. 51-59.
20. Polinsky A.M., Shavell S. (1992). Enforcement Costs and the Optimal Magnitude and Probability of Fines // Journal of Law and Economics. Vol. 35. pp. 133–148
21. Wright J. D. (2012). Abandoning Antitrust's Chicago Obsession: The Case for Evidence-Based Antitrust //Antitrust LJ. Vol. 78. pp. 241.
22. Wright J. et al. (2013). Evidence-Based Antitrust Enforcement in the Technology Sector //Antitrust Chronicle. Vol.